

Современник только отметил особую любовь Ярослава к письменности: Ярослав „любим бе книгам и многы написав“. Но книжные собрания на Руси возникли еще до него. Летописец приписывает особую любовь к книжным словесам („бе бо любя словеса книжная“) его отцу — Владимиру Святославичу.

Уже И. И. Срезневский отмечал некоторые переводы, которые, по его мнению, были сделаны на Руси и отличаются русскими языковыми особенностями. Количество таких произведений сильно увеличилось в результате исследований А. И. Соболевского и других историков русской литературы. Таким образом у нас нет никакого сомнения в истинности летописных слов о переводах многих греческих произведений на славянский язык, сделанных уже в первой половине XI века.

Нет сомнений и в существовании библиотеки при Софийском соборе в Киеве, от которой до настоящего времени, повидимому, ничего не осталось. „Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами ведь... мы мудрость обретаем; это реки напоющие вселенную; в книгах ведь неисчетная глубина; и ими в печали утешаемся“ — эти изречения принадлежат летописцу XI века. В них высказывается та же мысль о пользе книжности и наук, которую впоследствии выразил великий русский ученый М. В. Ломоносов, говоря, что науки „в счастливой жизни украшают, в несчастный случай берегут“.

Софийская библиотека не была исключением в самом Киеве. У нас есть прямое указание на другую обширную библиотеку, где имелись не только русские, но и греческие книги, — на библиотеку Киево-Печерского монастыря. На хорах, „полатах“, соборной церкви этого монастыря хранились греческие книги, которые были принесены мастерами, расписывавшими эту церковь. „Суть же и ныне свиты их на полатах и книги их греческаа блюдомы“, — пишет автор XII—XIII века.¹

Такие же библиотеки существовали и в других русских городах. Одна из них с давнего времени была собрана при новгородском Софийском соборе. Некоторые рукописные книги, дошедшие до нашего времени от XI—XII веков, несомненно были написаны в Новгороде. Так, из летописей мы знаем о существовании центров письменности в том же Новгороде. Например, в Юрьевом монастыре жил и работал Кирик, один из монахов этого монастыря, принимавший участие в составлении летописей. Знаем мы также о письменности, развивавшейся при новгородских приходских церквях. В частности, напомним о священнике Германе Вояте и пономаре Тимофее как авторах летописных заметок. В Полоцке письменность была настолько широко развита, что здесь перепиской книг не гнушались даже лица княжеского рода. В житии полоцкой княжны Ефросиньи рассказывается, что она начала „книги писать своими руками и наем емлюще требующим даяше“,² иными словами, Ефросинья сама переписывала книги и продавала их за деньги. Мы знаем также о высокой учености смоленского епископа Клима и о тех спорах по богословским вопросам, в которых принимал участие Смоленск начала XIII века, что нашло свое отражение в житии Авраамия Смоленского.

Все эти факты общеизвестны. Менее известно, откуда черпались основные кадры переписчиков русских книг. Некоторые сведения об

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 9.

² Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 174.